

Ссылка на публикацию: <https://www.topos.ru/article/proza/malenzie-prevratnosti>

Маленькие превратности

[Виктор Слипенчук](#) (05/04/2024)

Рассказ

Виктор Слипенчук – писатель, что называется, от жизни. От земли. Что предопределено уже самой его биографией: крестьянский сын, он натруженно ходил по ней и смаличку, и в молодости будучи специалистом сельского хозяйства, а впоследствии немало лет ходил и по морям-океанам, став одним из руководителей крупного рыболовецкого экипажа. Профессиональный литератор, известный прозаик и поэт, – в своё время он окончил Высшие литературные курсы при Литинституте имени А. М. Горького. Его произведения населены сильными характерами, драматическими судьбами людей труда, незаурядными творческими личностями. Рассказ же, который печатается сегодня, печальный и тонкий, свидетельствует, что зрелое творчество писателя всё больше тяготеет и к третьей великой стихии – к небу, душе, к вечным вопросам нашего бренного бытия.

Георгий Пряхин

Маленькие превратности

Это случилось в Каннах на вилле Du Soleil («Солнечная»). Жена сидела под навесом на лёгком сетчатом лежаке, подстелив махровое полотенце, а он купался в открытом бассейне. Точнее, расслабленно лежал на спине, крестообразно раскинув руки, на поддерживающей на плаву поролоновой лапше (нудолсе).

– Смотри-смотри! – удивлённо возвал он, указывая на голубовато-зелёную змейку, похожую на застывший обрез согнутой в петлю проволоки. Змейка проплыла над бассейном в сторону обширно ветвистой каннской сосны, напоминающей маленький отдельный лес.

Нет, она ничего не увидела.

– Может быть, это нарушения в глазу наподобие плавающих чёрных пятнышек, – предположила она. – Или какие-нибудь другие маленькие превратности?!

– Какие превратности?!

– Маленькие, – весело усмехнулась она и пояснила: – Они как будто есть, а на самом деле их нет. Или наоборот – на самом деле есть, а их как будто нет.

– Не понимаю, – сказал он и стал объяснять: – По ходу полёта змейка вначале скрылась за крышей пристройки, а потом выплыла и утонула в густой кроне сосны. Такая вся из себя в водянистых кольцах. Её вполне может склонуть голодная чайка.

– Всё равно я ничего не видела, – сказала жена и пошла под навес к своему лежаку. А он вновь устроился на нудолсе.

«С нею всегда так, – подумал он. – Скажет какую-нибудь ерунду, а потом не отступает, будто в этой ерунде скрыто что-то такое важное, чем никак нельзя поступиться... Вырастили, поставили на ноги детей, уже внуки скоро появятся, а ей всё – маленькие превратности, которые как будто есть, а на самом деле их нет. Или наоборот – на самом деле есть, а их как будто нет.

Что она имеет в виду?! Даже думать не хочется. Наверное, они так долго вместе, что уже надоели друг другу. Надо бы им на какое-то время расстаться, чтобы она на себе прочувствовала эти маленькие превратности», – заносчиво подумал он.

По воздуху, медленно покачиваясь, подплыла пушинка, очень похожая на шарик одуванчика – правда, с одной стороны изрядно разорванного. Он заглянул внутрь. Длинные семена, на которых крепились лёгкие зонтики парашютов, были похожи на строительные стропила.

Он влез в пушинку. Она заметно качнулась, но за счёт хитроумных стабилизаторов вновь обрела устойчивость. Пространство пушинки (довольно обширное) напоминало конструкцию какого-то шарообразного корабля, в котором строительные стропила, с разорванной стороны, хотя и были свалены в кучу, составляли с прозрачным тросом некую связанную воедино гирлянду.

«При желании разорванную часть можно без особого труда восстановить, – подумал он. – Пушинка станет менее воздушной и прозрачной. Зато появятся её скрытые возможности».

Какие возможности?! Им овладело беспокойство, словно предстояло путешествие, которого он не планировал. Более того, сама мысль о появлении скрытых возможностей показалась странной, прилетевшей откуда-то извне.

Он присел на что-то наподобие небольшого гладкого ящика и вдруг почувствовал, что всё вокруг зашевелилось, задвигалось и стропилины одна за другой стали подниматься в рост и равномерно заполнять разорванную часть шарика.

Он посмотрел на жену, вскочившую с лежака. Её испуганный оклик, который был неслышимым, но отчётливо угадывался по ищущему взгляду, пробежавшему по бассейну и панически метнувшемуся под навес.

Жена торопливо скрылась в пристройке.

– Господи, что происходит?!

Он не знал, что предпринять. Длинные и чёрные семена, похожие на стропилины, поднимались редкой шеренгой и словно по расчёту на первый-второй выдвигались на дистанцию вытянутой руки.

– Господи, что происходит?! – вновь воззвал он – и вновь не услышал собственного голоса.

Слава богу, что эти стропилины устанавливаются через промежутки. Он взглянул вверх и понял бессмысленность надежд. Всё-таки это семена какого-то неведомого одуванчика, а никакие не стропилины.

Отсоединившись от гирлянды, они выбрасывали вверх зонтики парашютов, которые, смыкаясь, уже закрыли своим клубящимся облаком некоторую часть разрыва.

Ему стало не по себе. Сейчас пушинка восстановится – он увидел неумолимое будущее.

– Господи, что происходит?! – донёсся испуганный возглас жены, и, рванувшись на возглас, он почувствовал, что бултыхается в воде, а рядом плавает губчатый нудолс, по которому, едва касаясь линии прикосновения, катится полностью восстановленный как бы шарик одуванчика.

Шарик катился в его сторону, и он злорадно подумал: «Попался?!» И занёс руку, чтобы прихлопнуть его. Шарик внезапно остановился и чуть-чуть присел, словно другого решения и не ждал. Неожиданно для себя он передумал и, набрав полные лёгкие воздухом, изо всех сил дунул на шарик, машинально отметив, что после ковида лёгкие уже не те.

От его рассерженного дуновения зонтики напряжённо затряслись, и на шарике, напоминающем одуванчик, образовался пролом – очень похожий на тот, через который он залезал внутрь шарика.

Это что, приглашение возобновить «маленькие превратности»?!

Неприятный холодок пробежал по спине. Он заглянул внутрь шарика. Ему показалось, за кучей семян, похожих на стропилины, кто-то есть – присел на гладкий ящик, на котором прежде сидел он. На какое-то мгновение он увидел свисавший конец махрового полотенца – но этого не может быть!..

Он стал внимательно осматривать пространство так называемого одуванчика. Он надеялся по какому-нибудь предмету или косвенному признаку угадать – кто бы там мог быть?!

Круглая комната, похожая на изолированную каюту. Пол устелен мягким синеватым поролоном. В центре круглый стеклянный стол с монитором, как бы висящим на магнитном притяжении. Сверху от монитора отходят телескопические антенны, на концах которых, словно светлячки, фосфоресцируют позванивающие светодиоды. В полукруге стола, обращённого к разорванной части пушинки, три кресла – принайтованы к полу (точнее – палубе).

Всё-таки, наверное, это рубка космического корабля. Но он никогда не был на космическом корабле. На мягком полу увидел записную книжку и ручку «Паркер» стального цвета. Такая книжка и такая ручка были у него лет

двадцать назад. Они лежали на полу настолько обособленно, что невольно чувствовалось – их кто-то уронил. Причём уронил только что.

Его охватило волнение – как такое может быть?! Он посмотрел под навес – жена растерянно оглядывалась по сторонам. Увидев его, воскликнула:

– О господи, где ты был?! Я чуть с ума не сошла – ни с того ни с сего пропал на ровном месте.

– Иди сюда, – сказал он, стараясь не выдать своего волнения.

Она, не раздумывая, прыгнула в бассейн и очень цепко схватила его за руку чуть выше локтя.

– Видишь? – спросил он, указывая на примятый и разорванный шарик.
– Я только что сидел там... Внутри.

Она внимательно посмотрела на него. Он знал этот её взгляд, не относящийся к предмету разговора, потому что предмет разговора и взгляд были несравнимы. Предмет разговора всегда казался слишком незначительным. Но он не был незначительным.

Они мчались сломя голову из посёлка Черноморское в Евпаторию. Он сидел за рулём, а она рядом дремала. Когда на колдобине их изрядно трянуло, она даже чуть-чуть вскрикнула, он спросил:

– Как ты не боишься спать, вдруг какая-нибудь смертельная авария?!

Она очень внимательно посмотрела на него. Похлопала по плечу и, положив на него голову, ласково сказала:

– Мы погибнем вместе.

Он почувствовал, что и сейчас нечего тревожиться – бывает, худшее не так уж и плохо, если посмотреть на худшее её глазами. И всё-таки её приоритеты иногда выводят из себя. С другой стороны, благодаря им она ему понятнее и роднее. А раньше, бывало, намажется, накрасится просто до неузнаваемости...

Она отпустила его руку. Толчая всплескивающейся воды внезапно толкнула его. Он попытался ухватиться за нудолс, но оступился. Вынырнув, спросил:

– Ты где?

– Ну где я могу быть?! – сказала она, выглядывая из одуванчика через пространство разрыва.

– Ты там?! – удивился он.

– А где я должна быть?! Залезай?! – потребовала она.

Он стал залезать, однако, несмотря на стабилизаторы, регулирующие устойчивость шарика, у него ничего не получалось. Поведение посудинки напоминало родео (скачки на дикой лошади). Глядя на воду, выплёскивающуюся из бассейна, он подумал, что плеск воды вызван её резким прыжком в воду.

Нет-нет, прыжок ни при чём.

Он вдруг почувствовал, что в нестройное колебание воды вмешивается что-то постороннее, невидимое, на что не успевают реагировать даже хитроумные стабилизаторы. Особенно остро ощутил это, когда оказался внутри шарика.

Она сидела на гладком ящике, подстелив полотенце, на котором сидела на лежаке. Откуда оно взялось?! Мелькнула мысль о превратностях и приоритетах, которыми она почему-то не может поступиться, – прямо какой-то рок. «Вот бы сейчас этот загадочный одуванчик запечатал её, – подумал он отвлечённо с некоторым удовольствием. И тут же неведомо чего испугался. – Нет-нет, если такое вдруг случится, то лучше всего им быть вместе».

Мысль показалась настолько нескончаемо длинной, что он почувствовал, что его мысли, удлиняясь каким-то образом, удлиняют и время. Именно поэтому хитроумные стабилизаторы реагируют на всё вокруг с опозданием – отстают.

Он шагнул к ближайшему креслу возле стола и вдруг резко остановился, вспомнил о записной книжке и ручке на полу. Всё пространство пушинки устремилось вперёд, а сама пушинка вдруг резко остановилась, словно села на мель. Он отметил, что записной книжки и ручки не было. Но потом, когда пространство с некоторой задержкой отыграло назад, он увидел в мягкой складке поролона взблёскивающую ручку и рядом записную книжку.

– Ну вот скажи мне – зачем мы здесь? – спросила она.

– Не знаю, это необъяснимо.

Он сел в крайнее кресло, положив ручку и блокнот на стол прямо перед собой.

– Ты же всегда всё мог объяснить. Помнишь, после посещения раскопок в Великом Новгороде ты сказал, что на Земле до Атлантиды было ещё несколько цивилизаций. Но мы не находим их присутствия, потому что прежние цивилизации были экологически чистыми и, как более высокоразвитые, после себя не оставляли следов. Потом ты уверял, что мы ищем не то и не там, потому что в основе нашего восприятия – материальные предметы. А надо искать сопутствующие раскопкам кладези мыслей, которых полно, но мы их не улавливаем.

– Мне кажется, что кроме нас здесь кто-то есть, – сказал он.

– Не пугай! Можно я сяду в твоё кресло? Вдруг в том, что рядом, кто-то уже сидит?!

Они переглянулись.

– Садись, – сказал он и, передвинув блокнот с ручкой на центр стола, встал, чтобы пересечь.

И опять колебания шарика не совпали с его движениями, и опять он подумал, что виною жена, раньше времени вставшая с гладкого ящика. Но она не вставала. Он это точно знал, но почему-то поставил в вину ей. Почему?!

– Осторожней, – предупредила жена, наблюдая за его неуклюжим перемещением. – Такое впечатление, что вмешивается кто-то невидимый.

– Ты тоже заметила? – невольно спросил он, держась за спинку кресла, в которое намеревался сесть.

– Ещё бы! – сказала она, и они снова переглянулись.

Он подумал, что выдал себя и теперь все его ухищрения напрасны. Перед кем?!

– Твоё место свободно, – сказал он, садясь в центральное кресло.

– Подожду, – сказала она. – А ты посиди между ними.

– Почему «между ними», разве их двое? Стульев – три.

– Их трое, и этот третий вносит разлад – ты занял его место.

– Послушай, – сказал он, почувствовав прежний неприятный холодок, пробежавший по спине. – Садись рядом. Нам надо держаться вместе, потому что твои маленькие превратности не предвещают ничего хорошего.

– Почему мои? – сказала она, не скрывая неудовольствия. – Кажется, здесь ты побывал прежде меня. Думаешь, я не помню твою ручку «Паркер» и твою демикотонную записную книжку двадцатилетней давности, которые вдруг ты потерял перед уходом в армию. Прекрасно помню, как мы в квартире перевернули всё кверху дном и ничего не нашли.

– И вот теперь всё это здесь, – сказал он задумчиво. И они опять переглянулись.

Он открыл записную книжку.

«Все предметы, и одушевлённые, и неодушевлённые, имеют имя и сопутствующую предмету мысль. Предмет можно уничтожить, а сопутствующую мысль – никогда. Настанет время (и это время уже не за горами), мы научимся находить и извлекать из окружающего нас эфира кладези мыслей, сопутствовавших материальным предметам. Мыслей, которые оставлены здесь, на Земле, ушедшими цивилизациями. Слова-ключи, сказанные в нужное время и в нужном месте, откроют взору великие изобретения, которыми мы сможем пользоваться как своими. Достаточно

будет произнести «Сим-сим, откройся» – и кладези богатств, находящиеся не в подземельях, а рядом, в ноосфере Земли, откроются нам. Надо искать слова-ключи, подобные магическому «сим-сим...», которые воссоединят всё, что было и что есть, в единую неразрывную цивилизацию. Цивилизацию Homo sapiens.

– Постой-постой, – перебила она. – Я вспомнила, почему мы искали записную книжку и «Паркер»! Ты говорил, что некоторые слова-ключи тебе открылись и ты записал их в этой демикотоновой книжке – так ты её называл. Поэтому мы и перевернули всё кверху дном.

– Ты это точно помнишь? – усомнился он.

– Ну как такое забыть?! Тебя забирают в армию, а я на шестом месяце беременности. Ты одной рукой обнимаешь меня, а другой пишешь в этой демикотоновой книжке слова-ключи, которые тебе якобы открылись. И повторяешь, повторяешь, что любишь меня, а я реву в голос...

– Записывая слова-ключи, я, наверное, произносил их вслух?

– Не знаю. Мне тогда было не до чего...

– Прошу, садись рядом и, пожалуйста, вспомни, – осторожно попросил он, опасаясь потревожить того, невидимого.

Но всё уже произошло. Она не успела пересесть. Пространство вокруг зашевелилось, задвигалось. Семена, похожие на строительные стропила, как солдаты, поочерёдно поднимались в рост и, соответствуя овалу шарика, выстраивались полукругом. Это настолько точно напоминало его первое проникновение в пушинку, что он поверил, что сейчас всё наладится.

– Да-да, наладится, – в угоду своему чувству весело и громко сказал он и, не услышав собственного голоса, самодовольно усмехнулся.

Он ожидал, что сейчас она испуганно воскликнет: «Господи, что происходит?!» И они окажутся в бассейне. То есть всё вернётся на круги своя. В нетерпении повернулся к ней и обомлел – выражение ужаса запечатлелось на её лице. Она смотрела как бы сквозь него. Подчиняясь её взгляду, он оглянулся – и словно окаменел.

Семена-солдаты двигались не восстанавливать разрыв одуванчика, а, став полукругом сразу за креслами, они накрывались своими зонтиками парашютов и словно бы растворялись в них. На экране монитора возникла неровная губчатая петля из водянистых колец, напомнившая голубовато-зелёную змейку. Ракурс сместился, и он увидел как бы под окуляром микроскопа деление одуванчика, очень похожее на деление молекулы простейшего организма. Всё вокруг затрещало, заскрежетало с глубинным звуком рвущихся струн. Он опять повернулся к ней, машинально отметив, что разрыв шарика не восстановлен и они с женой вполне могут покинуть пушинку.

Мысли теперь были короткими и быстрыми и ещё какими-то опережающими. Нет-нет, покинуть вдвоём так называемый шарик им не удастся. Между ними воздвигнута стеклянная стена с воздушными кольцами, напоминающими водянистые кольца пролетевшей голубовато-зелёной змейки.

Они разом подбежали к разделяющей стене и разом почувствовали её непреодолимость. «Вот тебе и маленькие превратности», – подумал он с прежним необъяснимым удовольствием и, не пугаясь того, невидимого, а как бы бравируя перед ним, очень громко сказал:

– Сейчас возьму и выйду из шарика, а она пусть остаётся здесь, в этом одуванчике.

Она, конечно, не могла слышать его. Он сам не услышал своего голоса, но почувствовал охватившее её волнение. И взглядом, и жестами она призывала открыть демикотоновую записную книжку и найти слова-ключи. Она верила, что замки раскроются и стеклянная стена рассыплется.

Он перелистнул первую и вторую страницы, на которых излагалась возможность единой неразрывной цивилизации *Homo sapiens*, а далее всюду, на каждой странице были слова, написанные заглавными буквами: Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

Двадцать лет назад уходя в армию, он действительно любил её всем сердцем.

Он поставил стоймя раскрытую записную книжку и подпёр её ручкой «Паркер», чтобы жене было удобней прочесть повторяющиеся слова. И не осторожничая, твёрдым шагом приблизился к разрыву в пушинке. В глубине души он надеялся, что какая-то необъяснимая неведомая сила остановит или хотя бы задержит его.

Ничто не остановило и не задержало. Уже находясь в бассейне, услышав над головой голодный крик чаек, он почувствовал, что проваливается в бесконечную пустоту. Да, сейчас он точно знал, что без неё его жизнь не имеет смысла. Он поднял глаза к небу, и в ту же секунду она оказалась в его объятиях.

– Ты?! – удивился он.

– Я, – ответила она.

– Ты прочитала слова-ключи из демикотоновой книжки?

– Ну зачем их читать?! Они здесь, – она легонько стукнула указательным пальцем по его груди. – И, пожалуйста, ни о чём не спрашивай – всё равно я ничего не видела.

28.01.2023, Москва